

***Когда падают горы
(Вечная невеста)***

Роман

I

Существует одна непреложная данность, одинаковая для всех и всегда, — никто не волен знать наперед, что есть судьба, что написано ему на роду, — только жизнь сама покажет, что кому суждено, а иначе зачем судьбе быть судьбою... Так было всегда от сотворения мира, еще от Адама и Евы, изгнанных из рая, — тоже ведь судьба, — и с тех пор тайна судьбы остается вечной загадкой для всех и для каждого, из века в век, изо дня в день, всякий час и всякую минуту...

Вот и теперь так же обернулось. Да. И в этот раз то же самое: кто бы мог предугадать событие, оказавшееся за пределами человеческого разума, и если на то пошло, пожалуй, и за пределами Божественного Промысла.

Единственное, что можно было бы предположить, пытаясь все же постичь непостижимое, — так это некую астрологическую взаимосвязь двух существ, о которых будет повествование, их космическое родство, в том всего лишь смысле, что могли они родиться, волею все тех же судеб, под одним знаком зодиака. А что, могло быть и так...

Разумеется, они не подозревали, и не могли подозревать, о существовании друг друга на земле. Ибо один из них жил в городе, в многолюднейшем современном мегаполисе, распираемом от перенаселенности, от уличных торжищ и кабаков с шашлычными

дымами; другой же обитал высоко в горах, в диких скалистых ущельях, поросших густыми арчевниками и покрытых по склонам залеживающимися по полгода теневыми снегами. Потому и прозывался он снежным барсом. А в науке — существует такая наука о высокогорьях — именовался тянь-шаньским снежным барсом из рода леопардовых, из семейства кошачьих, к коему относятся и тигры. В народе же, в местах его обитания, такого зверя называют «жаабарс» (барс-стрела), что более всего соответствует его натуре — в момент прыжка он и впрямь быстр, как стрела. А еще называют его «кар кечкен ильбирс», что означает — «по грудь идущий в снегу»... И это тоже соответствует истине... Другие твари ищут ходы, только бы не оказаться заложниками сугробов в горах, а он — мощный! — пашет напрямую...

Час барсовой охоты по большей части приходился на середину дня. К тому времени в горах наступает пора водопоя травоядных — дикие козули-эчки и бараны-архары направляются с разных сторон к проточным ручьям и речкам, чтобы утолить жажду, бывает, что на целые сутки, до следующего дня. На водопой они следуют организованно. Легко и упруго, прискакивая, ступая по тропам, словно бы почти не касаясь земли, они идут небольшими группами в цепочку, зорко вглядываясь на ходу и чутко вслушиваясь, чтобы в любое мгновение взлететь пружиной над землей и ускакать прочь от опасности.

Жаабарс, однако, великолепно знает свое хищное дело. Он поджидает добычу, умело притаившись за укрытием, чтобы вмиг совершить неожиданный прыжок сверху, из-за скалы (это самый удачный вариант), или неожиданно кинуться сбоку, из-за куста, сбить жертву с ног и тут же перекусить ей горло, которое

обагрится клокочущей горячей кровью, а дальше — известное дело...

А вот настигать добычу в погоне лучше всего после того, как стадо вдосталь напьется. И для этого надо уметь залечь в засаде вблизи — не дай бог шевельнуться! — терпеливо ждать, хотя живая плоть — вот она, на расстоянии одного прыжка. Надо зорко высматривать и ждать, сдерживая себя изо всех сил, пока эчки, вскидывая свои тонкошеие головы, прядая ушами и поблескивая настороженно сияющими очами, пьют и пьют неслышными глотками, стоя передними ногами по щиколотку в воде. Чем больше поглотят они журчащей влаги, тем большая удача ждет барса. Если погоня предстоит по прямой, то не всегда стоит и ввязываться — очень уж эти эчки-архары быстроноги. Они бегут стремительнее звука — в этом их спасение, — не орут и не визжат, не обгаживаются от страха на бегу, как некоторые иные твари вроде диких свиней, порой забредающих в здешнее мелколесье в засуху. А вот когда эчки-архары хорошо напьются, резвость у них становится не та, и тут надо действовать не медля, как только они шевельнутся на отход от водопоя...

И в этот раз ближе к полудню Жаабарса потянуло поохотиться где-нибудь у источника. Он шел сквозь заросли, не торопясь, вдоль привычно шумной речки, посматривая по сторонам и оглядываясь, — позади мог объявиться кто-нибудь из пятнистых собратьев, снежных барсов. Такое бывает, и это нежелательно, особенно если на охоту выходит семейная стая. К чему лишние неприятности да грозное рычание друг на друга! Лучше охотиться в одиночку. И он шел...

День стоял предосенний, а это что ни на есть лучшая пора в Тянь-Шаньском высокогорье — снежные выюги нагрянут еще не скоро, перевалы пока открыты для прохода, всякая дичь в самом своем вкусе, во

вкусном теле, нагулянном за лето; птицы и те пока еще галдят, свистят и резвятся как хотят — птенцы-то уже хорошо окрепли. А к зиме птичьего отродья здесь не останется, исчезнут все крылатые до следующего лета. Зиму им тут не выдюжить...

Высматривая, не появятся ли где косули, бредущие на водопой, Жаабарс прилаживался на ходу к местности, шел так, чтобы пятнистая шкура его не была заметна среди кустарников и скал. Высокий и неограниченно подвижный в крутой холке, с мощной округлой шеей, с крупной увесистой головой, с кошачьими ушами и пристальными, лазерно светящимися во тьме глазами, Жаабарс и телом был упруг, длинен и силен, наделен четко пятнистой шелковисто-плотношерстной шкурой, какие, как поют в песнях, носили на себе шаманы и ханы. Знал бы он, невозмутимо ступающий по земле, что с африканским собратом-леопардом очень схож, даже хвосты одинаково длинны и внушительны. Правда, собрату-леопарду приходится по деревьям карабкаться, как кошке какой, чтобы было сподручней на добычу набрасываться, а снежным барсам лазить суждено посолиднее — по скалам, по обрывам, да и деревьев таких мощных, как в Африке, на четырех-пятитысячной высоте нет; лес в здешних местах растет внизу, в долинах, а там разве что рысье племя живет на ветвях да сучьях... Бывает, что забредают барсы в те места лесные и рыси на них фырчат и шипят, вроде как не признают троюродных сородичей. Для снежных барсов существует иной, высотный мир — обителью им служат только горы поднебесные, и великая охота ждет в схватках и состязаниях в беге с недостижимыми эчками-архарами...

Жаабарс вскоре определился, выбрал позицию, залег среди валунов в кустах на берегу небольшой речушки. Притаился, настраиваясь и наостряя когти. Сюда должны были прийти эчки-косули пить воду,

было их штук семь, следующих цепочкой краем склона, горделиво и вместе с тем пугливо вскинув головы. Он высмотрел их давеча издали через расщелину в скалах. И теперь замер в ожидании.

Солнце стояло высоко, светило ясно, редкие светлые облака походя слегка касались ледяных пиков Тянь-Шаньского хребта. Все, по предчувствию бывалого зверя, складывалось как должно. Приближался решительный момент охоты. Единственное, что внутренне настораживало Жаабарса, так это то, что, затаившись между валунами в наблюдательной позе, слышал он явственно собственное дыхание — точно никак не мог отдышаться. Такое случается, конечно, во время быстрого бега и резких прыжков или в злобных драках за самку, когда рыки и хрипы исторгаются с шумным яростным дыханием, когда ключья летят, когда готов передуть всех вокруг. Но в неподвижной позе выжидания, требующего сосредоточенности и полной слитности с местом засады, когда все внимание обращено вовне, такой одышки быть не должно. Между тем он слышал каждый собственный вдох и выдох. Подобное случалось с ним впервые. И сердце билось сегодня заметнее, чем прежде, — в ушах отдавалось. Вообще много что изменилось в жизни Жаабарса в последний период. Ведь с прошлой зимы он — свирепый барс-одиночка, живущий изгоем в отторжении от стаи. Такое случается, когда исподволь наступает старение. К этому шло давно. Никому не стало прежней нужды в нем, после того как прибился к его барсихе новый барс, из молодых. Схватка была страшная, но одолеть соперника не удалось. Потом еще сошлись, грызлись насмерть, и опять отогнать чужака не получилось. Тот кривоухий (одно ухо у него было изодрано, видимо, в прежних драках) оказался на редкость злобным, неутомимым, настырным зверем, пристал к барсихе, все лез к ней, притирался, за-

игрывал, угрожал. И все это на виду у Жаабарса. Наконец и сама матка-барсиха, с которой Жаабарс после первой самки, погибшей при землетрясении в горах, долго жил вместе и дважды плодил потомство, ушла с новым самцом, с кривоухим. Уходила демонстративно, то повиливая хвостом налево-направо, то поджимая его, то вскидывая вверх, то выкручивая дугой, потиралась боками и плечами о нового напарника. Ушла и глазом не моргнула...

Жаабарс тогда кинулся было вслед. Догнал, догнать было нетрудно — они уходили по лощине трусцой, — но толку не вышло никакого, все обернулось по-прежнему. Снова началась дикая схватка. Однако в этот раз и сама барсиха кинулась на Жаабарса, трепала, кусала его, и это оказалось последним ударом, окончательным поражением Жаабарса в попытке сохранить былое место в стае, продлить свою первоприродную роль самца-производителя в барсовом роду. Но даже и тогда, придя немного в себя, Жаабарс попытался перехватить в соседней стае, куда забрел сгоряча, одну из молоденьких новосозревших маток. И здесь схватка была беспощадная, ибо сшиблись сразу три самца, — и тоже ничего не получилось. Стая с маткой и молодыми претендентами умчалась в ближайшее ущелье выяснять отношения и разрешать свои проблемы, а он остался один, покинутый, отторгнутый от главного своего предназначения, — в борьбе за продление рода природа всегда на стороне свежих прибывающих сил.

Прежде чем окончательно удалиться, Жаабарс покружил еще какое-то время по окрестностям — то застыл на ходу, то бесцельно бежал, то ложился, то вставал и оглашал горы отчаянным рыком. Ему хотелось быть по-волчьи, если бы было ему это дано природой. Ошеломленный, растерянный, он не знал, куда себя деть, даже охотничья страсть стала покидать его,

не до добычи было — стада козорогих спокойно трусили мимо, будто зная, что ему, матерому Жаабарсу — а ведь еще далеко не старому, еще крепкому, беспроигрышному охотнику, — сейчас не до них...

Так оно по сути и было. И вот тогда, в непонятное ему, потерявшее привычную сущность время, он увидел вдруг то, что явилось высшей точкой его страданий. Стоя на гребне скалистой возвышенности, припав к стволу корявой арчи, он бесцельно озирался вокруг и увидел неожиданно, как внизу вдоль лощины стремится в брачном беге пара снежных барсов — молодые, впервые обретшие друг друга самец и самка, переполненные силой и страстью, приплясывающие на бегу, игриво покусывающие друг друга, чтобы разгорячить кровь перед тем, как, вырвавшись из земной своей оболочки, воспарить над миром... Даже на таком расстоянии было видно, как зазывно пылали их глаза.

И невольно рухнул, и пополз на брюхе Жаабарс, и застонал, словно хотел уйти от себя самого, но куда было деться? Когда-то такое торжество плоти выпадало и ему, так же играл он со своей барсихой, в ту пору гибкой, как змея, попавшая под ногу, и сладко повизгивавшей. Такое же происходило у него и с той юной девой-самкой, которую он отбил для себя в соседней стае. Тогда и они пустились вдвоем в такой же брачный бег подальше от взоров своих соплеменников-барсов, чтобы не маячить перед ними по-собачьи склещившимися, ибо таинство это предназначено природой лишь самой паре — ему и ей, в полном уединении... Вот так же мчались тогда они в испепеляющей жажде соития, так же возгоралась плоть в ожидании магии, и возгоралось небо над их головами, и качались во вспышках взоров горные вершины впереди. О, весь мир вокруг звенел и сиял, а они — новая пара — вот так же шли в беге бок о бок, заряжаясь друг от друга пьянящей энергией, в такой же пре-

досенний день, чтобы к следующей весне появился в горах новый приплод, продолжение рода снежных барсов...

Так летели они, почти вплотную прижимаясь друг к другу, удлинившись туловищами в беге, словно стремительно плывущие рыбины, вытянув по ветру летящие хвосты. Она — чуть впереди, опережая его на полголовы, как полагается, — в том приоритет самки. Он — на полголовы, не более и не менее, — отставая и пьянея от запаха ее тела, насыщаясь ее горячим дыханием, слыша, как гулко билось на бегу ее сердце. И нечто неведомое до той поры обуревало его. В те мгновения он слышал какие-то новые звуки — протяжные, гудящие и свистящие, разносящиеся эхом по ветру. Они возникали в лучах света где-то над головой, крепили, витали в упругом движении воздуха, в сиянии быстро садящегося солнца, в колыхании гор и лесов вокруг. О, если бы было дано снежному барсу постичь, что то была вселенская музыка жизни, великая увертюра их совокупления... Но, как часто бывает, то оказался лишь сладостный мираж, обернувшийся впоследствии жестокой реальностью. Утекали дни, времена года сменялись и возвращались, мираж растаял...

Прихоти судьбы непредсказуемы — так было, так будет вечно, и нет тому суда.

В тот день, когда Жаабарса постигла участь изгоя, когда его барсиха у всех на виду умчалась с кривоухим победителем, чтоб предаваться тому, ради чего весь день шла битва самцов, Жаабарс ушел скитаться по окрестностям. Слонялся, пытаюсь унять в себе неумную злобу, слонялся бесцельно, даже пропустил охоту. И вот тогда — надо же случиться такому коварству — в одной из глухих горных лощин он набрел на них, барсиху и кривоухого баловня-соперника, наскочил почти вплотную на склещившуюся уже пару.

То была кульминация. Жаабарсу оставалось сделать еще всего лишь шаг, чтобы отомстить обоим сразу. Но в последнюю долю секунды он вдруг остановился и замер неподвижно, не отрывая налитого кровью страшного взора от ненавистно слившейся пары, — некая сила, некий голос, некая воля удержали его. Точно кто-то подсказал, велел изнутри — не трогать, не причинять вреда сошедшимся для плодоношения. Он повернулся и спотыкаясь пошел прочь и, уходя, стонал и сгорал в рыдающем рыке...

Все больше отлучаясь от родовых барсовых стай, Жаабарс обратился в полного одиночку, в беспощадного и свирепого зверя-отшельника, готового биться до крови по любому поводу. Жил он по пещерам, забредал в высокогорные снега в погоне за спасающимися животными и нередко заваливал дневной добычи больше, чем требовалось, будто бы для того, чтобы сбегались отовсюду на доедание все эти мелкие паразиты — шакалы, лисицы, барсучье, чтобы слетались базарно скандальные стервятники, хрипло и недовольно орущие и бьющие крыльями и когтями. На всю эту свалку глядел Жаабарс молча и презрительно со стороны, а иногда кидался их разгонять, ревел и рычал, словно бы они в чем-то были повинны. Так срывал он свою злость, боль и тоску по былому...

Шли дни, горы стояли на своих местах, как всегда, сияя вершинами, навечно закованными в снега и льды, менялась погода, миновали зимы и лета, и все так же пребывал в своем одиночестве, внешне ничем не меняясь, тигроподобный пятнистый царь высокогорья Жаабарс. Но незаметно наступили дни, когда он стал ощущать одышку... Она проявлялась поначалу от случая к случаю и главным образом во время резких и напряженных движений, но чтобы дыхание распирало грудь тупой болью в спокойном состоянии — такого еще не бывало.

Поджидая косуль близ водопоя, Жаабарс в этот раз впервые почувствовал, что дыхание сбивается еще до начала охоты.

Действовать предстояло как всегда — дожждаться в засаде, когда эчки-архары напьются вдоволь, и, не упуская момента, броситься в атаку. Но пока то было только намерение. Необходимо было, чтобы все сложилось как нужно, ведь бывали случаи, когда эчки-архары каким-то образом учуивали засаду, в мгновение ока сворачивали в другую сторону и стремительно исчезали из виду. Тогда приходилось заново выслеживать, кидаться в погоню, а там — как полукитается...

В этот раз Жаабарсу не приходилось сетовать на судьбу. Архары, а это были именно они — дикие рогатые бараны, бегуны и скалолазы, выедающие самые недоступные травы и ягоды высокогорья, — не отклоняясь, шли к извилистому повороту течения, где и поджидал их в засаде сам Жаабарс. Они его не заметили издали, не учуяли вблизи и спокойно начали пить, выстроившись рядком вдоль берега.

Не шелохнувшись, Жаабарс следил за ними из укрытия. Все шло своим чередом — животные наслаждались водопоем, пили и отдыхали, предстояло только выждать. Единственное, что не укладывалось в обычную ситуацию, — это одышка самого Жаабарса. Слышались глухие хрипы из груди, и, хотя они ничем пока не мешали, затрудненность дыхания настояраживала.

Однако настал момент, когда барс должен был в два молниеносных прыжка достичь и страшным ударом лапы по хребту свалить большого рогатого архары, стоявшего с краю, вожака стада, — но одышка дала о себе знать, дело сорвалось. Уже на взлете, в прыжке, он увидел, как стадо вздрогнуло разом, резко вскидывая головы, ему оставалось нанести сокрушительный

удар лапой с выпущенными когтями, вот он уже почти долетел до цели, но рухнул на землю рядом с архаром, отскочившим в сторону. Не хватило воздуха. В дикой ярости Жаабарс тут же рванулся с места и снова бросился на архара, но тот вывернулся, и вслед за ним все стадо ударилось в бег от страшного хищника.

Еще можно было настичь архаров, еще можно было завалить первого попавшегося, и Жаабарс ринулся изо всех сил вдогонку, но опять неудача — не догнал, не свалил, не восторжествовал в победном рыке, а стадо уходило все дальше... Задыхаясь в мучительной одышке, пересиливая себя, попытался еще раз, но было поздно... Такая неудача впервые обрушилась на голову Жаабарса. Но самым досадным и унижительным оказалось то, что вожак убегающего стада, круторогий архар-самец, на которого нацеливался хищник, вдруг обернулся на бегу, угрожающе, с вызовом покачал рогами и, взрывая копытами землю, помчался прочь. Это был знак того, что Жаабарсу отныне не следует рассчитывать на безусловный успех и придется ему теперь побираться, обглаживать остатки чужой добычи.

Да, конечно, и прежде случались мелкие промахи на охоте, но таких поражений Жаабарс еще не знал...

Он никак не мог прийти в себя, ошеломленно оглядывался, пытаясь усмирить одышку, и медленно брел куда глаза глядят...

Мир опустел. И хотелось Жаабарсу услышать напоследок волшебные звуки гор, водопадов и лесов, ту самую вселенскую музыку, как тогда, в его брачном марафоне, хотелось взреветь призывно, но мир молчал...

Одинокий, задыхающийся бывший царь высокогорья Жаабарс уходил по горам, сам не понимая куда. Предстояло отыскать убежище, пещеру, чтобы коро-

тать там в одиночестве последние дни своего медленного необратимого угасания в ожидании исхода жизни. И никак не мог предвидеть хищный зверь, что напоследок судьбу его разделит с ним человек. Об этом существе он знал лишь понаслышке, точнее, по эху редких ружейных залпов в горах, от которых он невольно вздрагивал, замирал на месте и уходил подальше, но чтобы видеть вблизи самого человека — такого еще не бывало.

Однако такая встреча была написана ему на роду. Опять же — судьба...

II

Трудно объяснить, но бывают такие стечения — и по месту действия, и по времени, и, главное, по поступкам субъектов, — которые словно бы вынуждают судьбу на неожиданные повороты. Нечто подобное случилось и на сей раз. Хотя он не предполагал такого хода событий. Думалось, верилось, что в конце концов истина восторжествует. Ведь она не может умереть. А значит, живи и всякий раз доказывай истину — для того и существуем, так велено свыше. Только вот что есть истина?..

Как всегда с пятницы на субботу, ночная жизнь начиналась заметно раньше, чем в будние дни. С приближением вечера Арсен Саманчин уже был на месте. Сидел за столом в ресторане, сделав заказ, и воздерживался от курения. Боролся. Бросал. А курить тянуло, как обычно бывает, когда под ложечкой сосет от ожидания. Вскоре за окнами засветились в сумерках уличные фонари, замелькали габаритные огни и фары проезжавших мимо по проспекту автомашин.

Ресторан пока еще наполовину был пуст, но через некоторое время здесь, как говорится, яблоку негде

будет упасть. Ничего удивительного: та публика, которая могла себе позволить шикарное времяпрепровождение, устремлялась именно сюда, на окраину Дубового парка, в самый престижный, элитный, как принято теперь говорить, и, разумеется, самый дорогой ресторан, детище 90-х годов, бывший Дом офицеров, отделанный под евростиль и названный с геополитическим подтекстом весьма громко и модно — «Евразия».

Вот в этой «Евразии» и дожидался он своего часа. Кто-нибудь со стороны мог бы подивиться — чего это он сюда зачастил и все в одиночку? Был бы он разорившимся бизнесменом, неудачно сыгравшим ва-банк, тогда понятно: горе заливает. Однако он был не из них, и причины, побудившие его посиживать за бутылкой вина в «Евразии» вроде бы в ожидании друзей, были не совсем ясны даже ему самому.

Делая вид, что не теряет времени даром, он доставал из кейса своего неразлучного какие-то бумаги, просматривал, вчитывался, попивая вино, и понимал, томясь изнутри, что по сути дела идет на риск, но иного выхода не видел. Хотя предчувствовал, учитывая обстоятельства, что лимит его надежд и ожиданий почти исчерпан и, пожалуй, в этот раз ему предстоит последний заход.

Да, следовало действовать, подойти к ней так, чтобы успеть завязать разговор. Как она отреагирует? Иные именуют ее уже примадонной, но он-то знает, и она знает... Главное — не упустить момент. Еще одна попытка во спасение истины. Опять он со своей истиной, сколько можно! Но что станется на деле, какова окажется ответная реакция, сказать трудно. Насколько его переживания и убеждения, в благородстве которых он не сомневался и от которых не отрекся бы, даже доведись ему погибать за них в безводной пустыне, найдут теперь у нее понимание, угадать было

трудно. Вот ведь как все обернулось. Романтика, мечты, отвергнутые реальностью! А он судорожно держится за них и оказался вместе с ними в капкане, но не отказывается. И получается, будто все мчатся мимо по автобану современности, а он, чудака, голосует на обочине, но никому до него нет дела. И вот еще одна попытка. Потому и поторопился он прибыть пораньше и выбрать место так, чтобы ничто не загораживало ему эстраду. Такая позиция была необходима...

Тем временем на сцене появились оркестранты и стали деловито рассаживаться. Предстоял, что называется, «прямой эфир», ибо в ресторанах подобного ранга, как известно, предпочитают живую рок-музыку с выступлениями приезжих и местных звезд.

Кое-кого из музыкантов, игравших прежде в оркестре оперного театра, он знал в лицо, с некоторыми был и лично знаком. Правда, давно не общались. Столько воды утекло. Нужен ли он им так же, как прежде? Да разве дело в этом? Вот зазвучит музыка, и для каждого раздвинется незримый занавес в иной, желанный мир, вхождение в который дано человеку испытать только через музыку, и все суетное отступит, останется лишь поющий дух.

Что касалось музыки, то она была его врожденной страстью, непостижимой, неумной стихией. Не увлечением, а чем-то гораздо большим, необъяснимым. На этой почве произошел с ним однажды случай, который он нередко вспоминал, в душе посмеиваясь над собой, даже издеваясь, называя себя чокнутым меломаном. Оказавшись в Лондоне в ранние перестроенные годы по своим журналистским делам, он был потрясен и крайне возмущен тем, что в одном из фешенебельных лондонских отелей, где проходила их конференция, в туалете, пусть прекрасно оснащенном всеми необходимыми атрибутами, в тиши над писсуарами откуда-то с потолка лилась волшебная музыка.

Прибывающие по нужде совершали свои дела, входили и выходили из кабин, где они, естественно, подтирали зады, мочились, плевались, харкали и в заключение запускали грохочущие смывочные потоки, бурлящие в захлебывающихся унитазах, а тем временем в их честь звучали Шопен или кто-нибудь еще из гениев. О, какая музыка низвергалась с неведомых высот прямо в канализацию. Не понимал он никак столь своеобразного сервиса урбанистической цивилизации. Ведь музыка — это хождение к Богу, галактика духа. А тут глянь, что учинили! Эх, сожалел он по совковому, была бы в отеле «Книга жалоб и предложений» — уж он выдал бы им, этим администраторам пятизвездным! Поднявшись из полуподвала в холл, он тем не менее заикнулся было и тут же — как он потом потешался над собой сам, «как заикнулся, так и заткнулся!» — на своем вполне сносном английском, освоенном в московские годы учебы, попытался высказаться по поводу клозетного унижения музыки, но получил ответ: если вам не нравится этот туалет, идите в другой...

Помешанный на музыке, он не стеснялся иной раз даже сказать — полущутя, конечно, — что, будь он с детства отдан музыкальной учебе, а не гонял бы аильных лошадей в горах, быть бы ему непременно композитором, ибо в душе он интуитивно сочиняет музыку, но, получается, только для самого себя.

Так что оставалось лишь выступать в печати музыкальным чятеlem и театральным критиком — это он любил. Однако и тут, случалось, попадался на удочку...

Может, оттого, что выпил (вино в «Евразии» было отменное, французское, так что и сегодняшнее посещение ресторана в очередной раз влетит ему в копейку), Саманчин разгорячился, хотел еще подлить себе вина, но в это время к столу подошел кто-то из ресторанных служащих. Не официант — с виду весьма

солидный, в серой бабочке на толстой шее, как полагалось при евраосервисе, в больших очках. Оказалось — сам директор.

— Извините, вы — Арсен Саманчин? — Он положил перед Саманчиным свою визитную карточку с логотипом «Евразии».

— Да! — по привычке живо откликнулся Арсен. — Я Арсен Саманчин, вы не ошиблись. А вы, значит, шеф-директор «Евразии»? — И, привстав, протягивая руку для рукопожатия, добавил шутливо: — Стало быть, шеф целого Евразийского континента?

— Ошондой! — покривился тот в ответ, что по-киргизски означало точное подтверждение сказанного — «именно так». Арсен Саманчин тут же дал ему про себя кличку «господин Ошондой»!

А Ошондой вслед за рукопожатием уверенно отодвинул стул и сел, желал, видимо, о чем-то серьезно поговорить, ибо начал протирать очки в тяжелой оправе.

Несколько удивленный неожиданным появлением самого шеф-директора Ошондоя, Арсен Саманчин тем не менее продолжал в приветственном тоне:

— Уважаемый шеф-директор, позвольте, уберу кейс, чтобы не мешал вам. У вас тут в «Евразии» превосходно, замечательно, сижу и люблюсь, я иногда бываю здесь, редко, но...

— Знаю, знаю, — бросил тот, но не успел перехватить разговор.

— Вот сижу и люблюсь, — оживленно, оглядываясь вокруг, повторил Арсен Саманчин. — Смотрите, сколько посетителей, а какие красивые женщины! — У него чуть заплетался язык, все-таки малость выпил, сказывалось. — А без женщин, сами понимаете, ресторан не гестоган, — на французский манер грассируя, произнес Саманчин, но собеседник не уловил иронии. — Да, ресторан — не ресторан, театр — не театр,

базар — не базар. Вон еще прибывают. И тоже красавицы! На балконе еще есть места для желающих посидеть повыше. Вот и оркестр начал настраиваться! Наконец-то. Жду, жду музыку! Для того и прибыл. А люстры какие! Сказывают, итальянские?

Ошондой кивнул:

— Да, ошондой, итальянские, — и решительно приподнял руку в предупредительном жесте, призванном дать понять: повремените, мне тоже кое-что сказать надо. — Я подошел к вам не случайно, чтобы это самое... — И запнулся на полуфразе.

— Ну, это замечательно! — разошелся Арсен Саманчин, приободренный тем, что еще не совсем забыт, что его еще узнают в публичных местах, даже такие вот крупные менеджеры. — Так давайте выпьем, — искренне предложил он, дружелюбно глядя в тяжеловесное лицо собеседника. — Надо сказать, отменное вино у вас, отличное! Давайте я вам налью и еще покажу.

— Нет, нет! — Ошондой перехватил его руку с бутылкой. — Я не для этого. Я по службе. Да, вас многие знают, вы известный человек, но об этом как-нибудь в другой раз. Я к вам по другому делу. Ситуация, знаете ли... Сегодня у нас очень большое мероприятие: ужин для зарубежных спонсоров, канадское СП по аксуйскому золоту, международное дело, и местные партнеры по золоту тоже — они приглашающие. Большие люди, с охраной, понятно, с женами. Концерт... Не в этом, однако, дело. Не буду кривить душой, вот только что позвонили, поступило указание, чтобы Арсен Саманчин сегодня не присутствовал в зале. Так и сказано: «Так требуется!»

— Стоп! Стоп! Кто же это заботится обо мне? — вспыхнул Арсен Саманчин. — Кому это «требуется» и какое право?..

— Я говорю то, что мне велено! — не вдаваясь в подробности, перебил его Ошондой, багровея лицом. — А кто о чем заботится — не мое дело. Сказано свыше! — вздернул он голову к потолку с сияющими люстрами. — А я выполняю. Стало быть, надо покинуть ресторан по-хорошему и без лишних разговоров. И чем быстрее, тем лучше. Давайте прямо сейчас поднимайтесь — и дело с концом. Так требуется.

— То есть как требуется? Как это понять? — только и успел промолвить Саманчин и запнулся, жестко поджав побледневшие губы. Конечно, он мог устроить дикий скандал, чтобы у этого мордатого Ошондоя глаза полезли на лоб, опрокинуть стол к чертовой матери, двинуть в рыло, поднять хай, заявить протест против оскорбления своей чести и достоинства, сделать многое другое, чтобы дать отпор этому унижительному давлению на его права, но сейчас ему было не до этого. Осененный молниеносной догадкой, он подавил в себе взрыв эмоций, но не от избытка самообладания, а от ощущения, будто его послали в нокаут, будто пред ним разом рухнуло подрубленное дерево и почва под ногами с грохотом сотряслась, ибо то, что он чувствовал интуитивно, что подспудно жило в подсознании как романтический поток звучащего внутри него музыкального мышления, то, о чем он любил порой помечтать, — все это обрушилось вмиг, как то самое дерево, лишилось всякой надобности, своего самостоятельного существования. И эту сокрушительную катастрофу в нем произвела всего лишь одна мысль: «Неужели это она? Неужели она пошла на такое?» Не веря собственной догадке, он глянул на сцену — ее на подиуме еще не было, но оркестр в ожидании ее выхода наигрывал попури из каких-то мотыльковых мелодий. Он выхватил из кармана мобильный телефон и начал набирать ее номер. Пальцы дрожали. Боялся, что и голос будет дрожать. Не хотелось,

чтобы Ошондой это видел, но деваться было некуда. Ее телефон оказался заблокирован, о чем после нескольких гудков отстраненным голосом сообщила она сама: «Я — Айдана Самарова. Телефон временно отключен и недоступен для связи», — и опять пустые гудки.

— Не отвечает? — иронично приподняв бровь, поинтересовался Ошондой.

Саманчин промолчал. Что конкретно имел в виду Ошондой? Кто не отвечает? Предполагает? Догадывается? Или точно знает? Допытываться не стал. Не хотелось унижаться. И вообще, дело-то в другом: предстояло решать, как быть дальше. Встать и удалиться, на том поставив точку, или потребовать объяснений: от кого поступило указание и почему он, шеф-директор ресторана, так усердствует, что превратился по сути дела в вышибалу?

— Ну так что? — выжидающе подал голос Ошондой. — Встаем? Могу проводить до выхода...

— Нет-нет, этого как раз не надо, — отказался Арсен Саманчин. — Дорогу я сам знаю. — Он раздраженно захлопнул кейс.

— Ну что ж! Разумно. Кстати, расплачиваться за ужин не надо. Это мы берем на себя, — добавил мордатый Ошондой.

И тут Арсен Саманчин взорвался, точно только этого и ждал, чтобы выместить всю свою боль.

— Да ты что?! — негодуя бросил он в лицо Ошондою, подчеркнуто перейдя с «вы» на «ты». — Ты за кого меня принимаешь? Я что, пришел к тебе с улицы подаяния просить? Да пошел ты знаешь куда! Плевать мне на твой ресторан и на тебя самого. Зови давай официанта, до копейки рассчитаюсь, прежде чем выйду отсюда. И отвали! Всё!

— Ну смотри! Дело твое. Официант сейчас явится. А там, значит, того — как сказано! — предупредил

Ошондой, медленно встал и пошел не оглядываясь, с побагровевшей бычьей шеей...

И тут Арсен Саманчин допустил непозволительную ошибку, глупость — смелочился, чем только усугубил скандал.

— Эй, ты! — окликнул он Ошондою и, когда тот обернулся, злобно бросил ему в лицо: — Ты не думай, что погнал меня в шею — и все! Я этого так не оставлю! У меня тоже есть свои ресурсы. Я журналист, независимый журналист! Запомни!

Это словно подстегнуло Ошондою:

— Что тут запоминать? Подумаешь, нашелся. Да плевать мне, кто ты! От тебя уже женщины шарахаются, метут на сторону.

— А тебе какое дело?

— А такое, что знай свою мусорку. Журналисты теперь — что свиньи в стойле: как накормишь, так и хрюкают, что в газетах, что на телевидении. Нашелся тоже мне! Если ты через пять минут не провалишь отсюда, пеняй, гад, на себя... У нас есть силы. Все! Больше ни слова!

С этим Ошондой решительно сдернул очки с искаженного злобой лица и удалился, уже не оборачиваясь на оклики «независимого журналиста».

Знал бы Арсен Саманчин, каким окажется для него продолжение этой истории!

Явился официант:

— Извините, прошу, вот ваш счет!

Но все еще вне себя от ярости, Арсен Саманчин отодвинул в сторону тарелочку со счетом:

— Сначала принеси мне водки!

— Водки?

— Да, водки! Если не понимаешь по-русски — арак!

— Сейчас принесу. Сколько?

— Сколько дотащишь! Быстро!

— Есть!

Официант резво зашагал в сторону буфета. Разгоряченный Арсен Саманчин огляделся вокруг. Никому до него не было никакого дела. Ресторан жил своей вечерней жизнью: народу уже было полно, набралось и на балконе. Сплошной говор, смех, звяканье бокалов, гул многолюдья. И музыка, созвучная настроению зала, сопровождаемая бегающими по стенам световыми лучами, бодрила и расшевеливала души. И только он один в этом сборище оказался изгоем. Голова кружилась, и сердце щемило в груди от напряжения, от понимания, что теперь не дано сбыться тому, на что он сегодня рассчитывал. Если бы действительно знать, откуда такая напасть — от нее самой, от Айданы, или от ее новых покровителей? И если от нее, то как могла она предать его, выдать врагам, позволить им вмешаться в их личное дело, кто же она после этого? Какая тварь! И зачем? Что такого стряслось, чтобы гнать его в шею?

Да, была некая ситуация. Случилось это недавно, когда наступила одна из становившихся все более затяжными в последнее время пауз в их отношениях, когда она стала уклоняться от встреч с ним. И тогда он вот так же пришел сюда и стоял вплотную возле эстрады, не выпуская кейса из рук, — весь вечер простоял, упорно глядя на нее. Ему хотелось крикнуть ей: эй, богиня в фольге, опомнись, неужто ты схоронила Вечную невесту еще до того, как она родилась на сцене в твоём лице? Неужто ты продала ее за пляски в таборе? Или ты взбесилась?

И еще что-то убийственно-саркастическое зрело в нем, но он не проронил ни слова... Просто стоял и смотрел, а в кейсе заложником немоты лежало великое, в чем он был убежден, творение — рукопись, ждущая своего часа. Но когда предстояло пробить тому часу? И кому какое дело до того? Только ей...

А музыка тем временем, как и полагалось, гремела на эстраде, раскочегаривалась под дробь барабана, и солистка изливалась в пении, исходила в эротических телодвижениях так, что публика безумствовала в буре коллективного эротического возбуждения и не отпускала ее, пожирала ненасытно глазами, аплодируя и вопя в экстазе, а он, стоя возле сцены, страдал, глядя, как она трудилась голосом и телом, работала поденщицей на эту ломовую музыку. Несколько раз их взгляды встретились, словно молнии в той буре безумия. Она-то понимала, что к чему.

И вот новый виток. Начиналось то же самое, только в этот раз его, все с тем же кейсом, все с тем же великим творением, в нем лежащим, гнали вон из зала... И он должен был подчиниться.

Вернулся официант с бутылкой водки на подносе.

— Пожалуйста. Вам налить? В бокал, в стакан?

— В стакан.

— Сколько?

— Полный.

И точно в горящую пропасть, он опрокинул в себя полный стакан водки. И ошалел, задыхаясь. Он хотел сжечь себя.

— Сколько с меня? — строго спросил он, просматривая счет, так же строго (копейка в копейку) рассчитался, удивив официанта, и молча пошел прочь, стараясь не показать, чего ему стоило после стакана водки держаться ровно, расправив жесткие плечи и вытянув жилистую шею.

В гардеробе он взял шляпу и с тем же строгим видом надел ее на голову. Он любил ходить в шляпе зимой и летом. Айдана не зря прозвала его Шляпником. Уже на выходе он услышал донесшийся с эстрады ее голос, голос Айданы Самаровой. Весь ресторан дружно зааплодировал — свершилось долгожданное: дива явилась! Раздались первые восторженные воз-

гласы: «Ай-да-на! Ай-да-на!» Но Арсен Саманчин не оглянулся, лишь замедлил шаг и сумел еще, с трудом одолевая вал опьянения, подумать: вот, мол, любуйся, наглядное пособие — апогей рекламы и моды. Ради этого эффекта работает вся инфраструктура, идет гонка на выживание. Слава, популярность, все это в конечном счете для того, чтобы деньги сыпались листопадом. Он даже насмешливо промурлыкал: «А без денег жизнь плохая, не годится никуда. Ой-ля-ля!» И захотелось ему негодуяще топнуть ногой, захохотать во все горло, пуститься в пляс... Но удержался. И тут же ему захотелось плакать. Возопить так, чтобы небо услышало и задохнулось. Предстоял исход, нужно было куда-то скрыться, чтобы не совершить чего-нибудь страшного. Удалиться немедленно, пока не поздно, исчезнуть навсегда.

«Любить и убить! Да как же можно такое? Да это ты спьяну! Нет, не спьяну, — ответил он себе сам, холодея от мысли самой. — Любить и убить...»

Он уходил, а в голове вертелось: и в могиле не забуду, не прощу!..

III

Кому что суждено на свете. Вот именно — кому что. И это всегда так. И никому не уклониться... В ожидании судьбы дни насущные придут и уйдут. А ожидание останется до последнего дня, до последнего часа... И так будет всегда.

Но вот снова подул ветер откуда-то — это судьба, спохватившись в дозоре своем, поспешала в тот час узреть повсюду все, что полагалось узреть в мире сущем, и в душах, и в мыслях, и в поступках людских. И опять хваталась судьба за дела свои неотложные, и, как всегда, нацеливаясь с дальним умыслом,

подспудно готовила неожиданные стечения обстоятельств, которые так же неожиданно предопределяли участь и хождения по миру тех, кому предназначалось познать на себе веление оной судьбы неумемной и пережить грядущие дни свои, невольно обращаясь всякий раз к небу все с теми же вопросами: что будет? почему? и как быть?..

Но небо не слышит ни шепота, ни криков...

Даже дикий зверь в горах — и тот взывал, с хриплым рыком обращаясь к небу, луну донимал, и пряталась луна от него то за тучами, то за снежными вершинами, потому как и он не был обойден судьбой вездесущей, и ему, горному барсу, она предуготовила нечто...

Потерпевший поражение в самцовой схватке, лишенный права участвовать в продолжении рода, изгой Жаабарс влачил в ту пору тяжкое существование, усугублявшееся сверх всего и тем, что инстинктивно он еще сопротивлялся, еще не смирился окончательно, еще жаждал возврата былой силы и, вопреки всему, подчас горячился. Так и хотелось, как в былые времена, пристать к какой-нибудь барсихе, однако все они уже были «в разборе», и его побуждения не находили никакого отклика. Бывало, он кидался на соперника, чтобы задушить его или хотя бы просто заявить о себе, но схватка обычно заканчивалась вничью. Напрасны были все иллюзии: по сути, в племени его уже не замечали, будто он и не существовал вовсе. И приходилось держаться в стороне, по обочинам барсовых сходок, сбегавшихся при крупной добыче. А сдержанность давалась нелегко, требовала немислимого терпения, надо было сохранять напряженное, до судорог, спокойствие, дожидаясь остатков пожираемой другими дичи. Такова оказалась теперь его печальная доля, хотя внешне он выглядел по-прежнему внушительным — крупноголовый, с приуставшими, мерцающими исподлобья глазами, с бугристой мосластой хол-

кой и чаще всего спокойным, мягко изогнутым хвостом, что свидетельствовало о том, что Жаабарс еще способен владеть собой, когда надо.

Вот только племени до этого не было никакого дела. Лишь сезонные пары хищников с приплодом свирепо поглядывали на него и сторонились, будто он был в чем-то повинен, а бывшая его барсиха, та и вовсе не признавала его — с вызывающей наглостью, призадрав хвост, бок о бок со своим столь же наглым новообретенным ухажером проходила мимо, словно Жаабарс был тенью. И такое унижение приходилось претерпевать тому самому Жаабарсу, который еще совсем недавно был вожаком среди сородичей, обитающих в горах и ущельях притяньшаньского вечноснежья. Отлученный от стайной жизни, он худо-бедно перебивался охотой на всякую мелкую тварь вроде барсуков, сусликов, попадались и зайцы. От голода Жаабарс в общем-то не так уж и страдал, хотя, конечно, не насыщался, как бывало, досыта мясом диких парнокопытных, которых прежде валил почти каждый день. Удача и та отвернулась от него.

Однако не иссякала в нем воля к сопротивлению, не смирился он, ставший фактически неприкасаемым, с участью изгоя, вынужденного жить на коленях. Вопреки всему клочкотал в нем стихийный бунт неприятия реальности, в глубинной сути его звериной нарастал протест, зрела — наперекор всему — сила внутренняя, неодолимая, повелевающая как можно скорей покинуть здешние места, эти горы и ущелья, ставшие для него злополучными, исчезнуть навсегда, безвозвратно, удалиться в иной мир, который находился не где-нибудь, куда можно заскочить походя, а за перевалом, за великим перевалом поднебесного, вечно снежного хребта. Ему предстояло отправиться туда, в необжитые пределы, на редко доступное — лишь в летнюю пору и лишь на считанные дни — вершинное

плато между Узенгилеш-Стремянными хребтами, недостижимыми даже для пернатых высшего полета. Вот куда влекла Жаабарса сила, настойчиво подталкивавшая изнутри, вот куда тянула тоска неумемная. Когда-то он забирался туда на летнюю побывку, но в том-то и заключалась ныне его трагедия — в недоступности прежде доступного...

Путь к перевалу, крутой и скалистый, пролегал по высотному, никогда не тающему снегу, уходил под самые облака и тучи, ползущие по перевалу и исчезающие за ним, опускающиеся по склонам, погоняемые ветрами по горам, как пастушьи стада... Все это было рядом...

Все это обозревал Жаабарс, останавливаясь, переминаясь и топчась на месте, прикидывая — сколько еще предстоит пробираться через сугробы. И шел, уминая навалы снега, утопая в снегу по горло, и снова карабкался, цепляясь когтями всех четырех лап, и полз, припадая всем телом к ледяному лону каменных скал. Но дыхания здесь уже не хватало, точно он в бешеной гонке преследовал добычу, оглушительное сердцебиение отдавалось в ушах, и — самое страшное — возникал приступ тяжелой одышки, валивший с ног, отшвыривавший назад, в мерцающих видениях рушился окружающий мир. Дальше, выше двигаться не хватало сил — хрипел он, рычал в удушье, а продвинуться не мог ни на шаг... Будь он в силе, как прежде, — через час-другой преодолел бы Узенгилеш-Стремянный перевал и вышел бы наконец к тому, к иному миру. На райскую побывку в небесах... Но если бы и удалось, то в этот раз прибыл бы он безвозвратно, чтобы остаться там навсегда, до последнего дыхания, до последнего мгновения жизни...

Так на подступах к высокогорному плато, окаймленному неприступными хребтами, изводился неприкаянный Жаабарс, в отчаянии мотал головой, скреб

когтями мерзлый каменистый грунт, и если бы дано было ему от природы заплакать в голос, то разрыдался бы он так, что горы сотряслись бы вокруг.

Уже несколько раз пытался Жаабарс осилить перевал, однако не удавалось... Однажды совсем рядом с ним, мучимым одышкой, прошли, подпрыгивая на ходу, с десятков рогатых горных архаров — точно хищного барса и не было поблизости. Они его видели, а он делал вид, что не замечает их, предназначенных природой стать главной добычей горных барсов... О горы, разве бывает на свете такое?! Но горы молчали. О небо, разве бывает такое на свете?! И небо высокое молчало. И сникал от тоски Жаабарс...

А ведь было время, когда все ладилось, когда перепрыгивал он с разбега через крутой водопад, который — случись что — унес бы в пропасть кого угодно и вдребезги разбил бы о камни. Но он, Жаабарс, был в ту пору настолько силен и ловок, что не было ему преград — ни пропастей, ни круч, и метель обнимала его, как родная, и кликала его некая богиня с горы: «Подойди ко мне, Жаабарс, подойди!» Он стремительно кидался на ее зов, а она исчезала, и слышался ее голос уже с другой стороны: «Подойди ко мне, Жаабарс, подойди!» И снова бежал он, летел со скоростью стрелы... Ничего не стоило ему в ту пору, когда весь мир принадлежал ему, попевать, обгонять, настигать и всегда побеждать! Мир вокруг был его миром.

Теперь, мотаясь, карабкаясь, изводясь и унижаясь перед необоримым перевалом, припоминал он с тоской и болью те минувшие дни.

Был полдень. Полдни наступают изо дня в день, но то был незабываемый летний полдень...

И лето тоже незабываемое...

На таких высотах в безоблачный ясный день солнце не жжет, не печет, не загоняет отлеживаться в тень,

как в низинах, а излучается чудным, абсолютным сиянием, окармливая горный мир своим светом и трансформируясь в живую энергию, никнет ко всему, что живет и дышит на земле, — от простой травинки до стаи птиц, кружащих над хребтами и залетевших сюда тоже на побывку. И все сущее наслаждается в такой час под солнцем благами бытия...

Так было и в тот полдень, когда они — он и она — вольно мчались по Узенгилеш-Стремянному плато, побуждаемые солнцем и величием гор, мчались в едином порыве, в беге ради бега, чтобы насытиться друг другом...

А добрались они сюда еще накануне. Шли весь день, пробиваясь через перевал, не замедляя хода ни на миг, чтобы не оказаться застигнутыми ночью в пути, чтобы не замело их метелью. И удалось-таки Жаабарсу и его подруге-барсихе пробиться к заветной цели до заката, засветло. И оно того стоило! Удачу дарила им, пришедшим по зову инстинкта, природа в тот день во всем. Как только звери отдышались с дороги и стали приглядывать место для ночной лежки, увидели они неподалеку табунок горных коз, с десятков голов, тоже только что перебравшийся через перевал на луга, на травостой, на воды поднебесные. Но исход тяжкого и для них, парнокопытных, одоления обернулся бедой, а для хищников — удачей. Барсы тут же кинулись в атаку. Догнать добычу было не так уж трудно: после недавнего перехода козули были изнурены. Одну из них барсы завалили с ходу, остальные умчались. Спокойное насыщение свежим мясом на ночь оказалось очень кстати — вкусно, сытно, вольготно. Звезды в небе словно знали это — светили тоже спокойно и благостно над их головами и над горами.

А утром всплыло солнце на ясном небосклоне и ожили, воскресли в незыблемости своей и грандиоз-

ности хребты и вершины гор, высветляясь приобретающими все большую резкость гранями.

Жаабарс с напарницей были уже на ногах и не столько высматривали по привычке случайную добычу, сколько гуляли по нетронутым кущам и травостоям, наслаждаясь воздухом высокогорья. А ближе к полудню, когда солнце вошло в зенит, барсы сначала пошли прыжками, потом пустились в долгий бег. Словно сама сила солнца увлекала и вдохновляла горных леопардов, наделяя их небывалой красотой и мощью, дабы постигли они в тот час сущность своего двуединого бытия. То было торжеством их гармонии.

Они шли в беге, ничем не скованные, бок о бок, и ничего в тот час не существовало для них в мире, кроме солнца и гор. Никакой добычи им не требовалось, если бы даже и встретилась она на пути. Они насыщались солнцем, поедали на бегу его свет и тепло и становились все сильнее, нисколько не утомляясь, пребывая на вершине наслаждения жизнью. Так было...

И катился шар земной в карусели Вселенной, и все сущее на земле пребывало в незримом кружении вечности, и мчались среди светом озаренных горных гряд и долин Жаабарс со спутницей-барсихой, а солнце лелеяло их с полуденной высоты, звало к себе, манило к птицам в небе, ибо являли они в тот час бегущую пару ангелов хищно-звериного племени... Подчас и звери могут быть ангелами. Так было...

Тем временем кончились благоприятные летние дни, сезон на поднебесной побывке завершился, и наступил резко контрастный оборот тамошнего мира — грянули вдруг с крутых вершин по склонам взбесившиеся в одночасье метели со стужей лютой и вихрями удушающими, и замутнилось небо беспросветно. И тогда кинулись барсы в обратный путь — едва успели ноги унести. А иные из тварей так и остались там,

СОДЕРЖАНИЕ

КОГДА ПАДАЮТ ГОРЫ (ВЕЧНАЯ НЕВЕСТА)	
<i>Роман</i>	5
МАТЕРИНСКОЕ ПОЛЕ	
<i>Повесть</i>	219
РАННИЕ ЖУРАВЛИ	
<i>Повесть</i>	331